

действительного о том, что театр действительно пытается диалектически «яснить» систему Станиславского, но делает это не с позиций марксизма-ленинизма, поэтому идеалистические корни «системы» все же остаются непреодоленными. Захава вводит в заблуждение самого себя, когда пишет: «Вахтангов подверг радикальному пересмотру и суровой критике те принципы, на основе которых он вырос» (там же, стр. 6).

Тов. Захава говорит, что вахтанговские установки «диаметрально противоположны установкам Станиславского» (там же).

Есть ли разница между этими обоими методами? Да, есть, и немалая. (Тов. Захава приводит ряд конкретных примеров: отношение театра к зрителю, зрителя к театру, отношение актера к образу и т. д., и т. д.). Все это, конечно, свидетельствует о том, что вахтанговский театр стал действительно на путь преодоления системы Станиславского в ряде важнейших моментов, и это надо всячески приветствовать. Но почему же в творческой практике театра, как признает сам же т. Захава, есть много идеалистических ошибок? Потому что это преодоление Станиславского осуществляется не последовательно, не до конца.

Сказать, что метод вахтанговского театра уже сейчас противоположен идеалистическому методу Станиславского, мы не можем. Да и не мог добиться этого вахтанговский театр, ибо он не до конца последовательно осуществляет критическую переработку системы Станиславского и Мейерхольда. Основу этой непоследовательности заложил сам Вахтангов, который, являв критику Станиславского, все же продолжал «как в своей творческой практике, так и в педагогической работе в значительной степени пользоваться приемами и методами системы Станиславского» (там же, стр. 6).

Мы знаем, что метод, приемы нельзя рассматривать в отрыве от мировоззрения. Нельзя, например, механически переносить в наше творчество «методы и приемы» художников других классов, ибо эти методы и приемы — классово опосредствованы. Вот этого-то и не понял Вахтангов и его ученики, которые, являв критическую переработку идеалистической системы Станиславского и др., не «заметили» того, что «азбука» Станиславского есть результат классового мировоззрения ее автора, что нельзя эту «азбуку» брать как данное (нельзя, конечно, и выбросить ее «за борт корабля современности»), а надо критически переработать ее всю, в целом, а не слепо заимствовать отдельные элементы, ее, отдельные приемы творчества.

Глубоко ошибается поэтому т. Захава, когда пишет, что в подобном механистическом перенесении приемов, методов «азбуки» Станиславского нет ничего непоследовательного (стр. 6), что «вахтанговское отрицание творческих позиций Станиславского — резкое, бескомпромиссное отрицание, отнюдь не «голос», не «скептическое», а диалектическое, которое устанавливает связь и имеет в виду «удержание положительного» (там же, стр. 8).

Как же т. Захава мыслит это «удержание положительного» и «установле-

ние связи»? Не понимая того, что система Станиславского является продуктом его классового мировоззрения, Захава говорит об обратном: «система» как внеклассовая категория, находясь в руках идеалиста Станиславского, наполнялась буржуазным смыслом, содержанием, и если «выжать» из этой системы это содержание и наполнить ее новым, пролетарским, то проблема пролетарского творчества метода будет решена.

Захава так и пишет:

«Задача заключается в том, чтобы выжать из системы Станиславского то мировоззрение, которым она пропитана, и насытить ее другим социальным-философским смыслом» (там же, стр. 12).

Но это еще далеко не все. Захава дает нам рецепт, как эту проблему можно легко и быстро разрешить. Дело решается очень просто: берется азбука системы Станиславского, дается ей новая пролетарская целевая установка — и готово! У вас получится новый, пролетарский творческий метод.

«Для того чтобы верно использовать систему Станиславского, необходимо, применяя ее азбуку, с самого начала твердо держаться правильной социальной целевой установки. Тогда не система Станиславского будет нас подчинять себе, а мы будем, подчинять ее своим задачам» (там же, стр. 12).

Нет, т. Захава, тогда она будет вас подчинять себе, ибо сколько вы ни будете лить молодое вино в старые меха, меха от этого не помолодеют нисколько. Это — во-первых. А во-вторых, если вы все же будете «выжимать» из нее мировоззрение, то этим будете разрушать и «систему» в целом, ибо мировоззрение создало «систему», а не наоборот. Впрочем, это и начали делать и Вахтангов, и вы вслед за ним. Но беда в том, что вы это весьма нужное дело делаете не до конца последовательно, порою интуитивно, бессознательно, поэтому часто противоречите сами себе и продолжаете оставаться в плену ряда элементов «системы» Станиславского. Вот один из примеров противоречия себе.

Из приведенных выше цитат ясно видно, что азбука «системы» Станиславского у вас попрежнему считается «универсальной», пригодной для всех эпох, народов и классов, в том числе и для пролетариата, если дать ей пролетарскую целевую установку. Об этом вы много лет и писали и говорили публично. В цитируемой нами статье вы признаете ошибочным это ваше утверждение:

«Автор этих строк неоднократно делал ошибку в своих многочисленных высказываниях о системе К. С. Станиславского, утверждая, что эта система является универсальной, т. е. такой, на основе которой можно построить театр любого направления» и т. д. (стр. 12).

Это ценное самокритическое признание ничуть не мешает утверждать все ту же универсальность и в той же статье (стр. 11 и 12). Одной декларацией мало. Нужно дело. Это дело вы на сей раз осуществляете куда более успешно, чем раньше, но не до конца последовательно. Вот поэтому-то вы еще продолжаете все же свои прежние утверждения об «универсальности» системы.

Корень вашей ошибки в том, что вы рассматриваете «систему» во внеклассовом плане. Поэтому-то вы сглаживаетесь с эклектическими установками А. Л. Горюнова, который удерживал, как вы пишете, на художественном совещании театр:

«Мы должны иметь в виду не систему взглядов Станиславского (здесь Станиславский чрезвычайно противоречив), а практическую систему воспитания и обучения актера» (там же, стр. 15).

В том-то и дело, что нельзя противопоставить мировоззрение творческому методу, «системе». В этом один из корней всех ваших ошибок, а также такой грубейший ошибкой, как стремление механически перенести в творческий метод отдельные элементы идеалистических методов, ибо это всегда ведет к эклектике (отчего, к сожалению, не свободен творческий путь вахтанговского театра).

«Мы должны взять у старых школ то, что для нас бесспорно, и на основании этого строить новое», говорит в полном согласии с т. Захавой г. Горюнов (стр. 15).

Сам Захава много раз повторяет то же самое. Впрочем, с «небольшой» разницей. Если Горюнов безоговорочно принимает «систему» Станиславского по существу в целом только потому, что с появлением этой «системы» мы впервые имеем искусство ансамбля, появились молодые коллективы и т. д., — то т. Захава теперь берет не всю «систему» как данное, а только отдельные элементы ее. Тов. Захава говорит (и не только говорит, но и пытается делать, но не последовательно) о необходимости критики «системы». Но задачу критической переработки наследства понял неправильно. У т. Захавы критика нужна для того, чтобы в результате ее выявить ценное, имеющееся в системе, и это ценное затем механически перенести в новый метод, дать новую целевую установку.

В этом методе (Станиславского) есть ряд отдельных элементов, отдельных законов, которые могут и должны быть использованы; после того как будет подвергнута критике система в целом, эти имеющиеся там ценности необходимо бережно отобрать, чтобы начать применять их совсем иным способом, чем это делал сам Станиславский» (стр. 13).

Тут опять противоречие самому себе. Верно, что нужна критика системы в целом. Но это не значит, что можно автоматически переносить отдельные «ценные» элементы как внеклассовые. Это значит, что надо использовать это «ценное», критически переработав его, ибо вся старая культура, все элементы ее — классовы. Основоположники марксизма-ленинизма дали нам блестящие образцы того, как надо это делать.

Тов. Захава говорит о голом усвоении «ценных» элементов, без критической переработки их.

Ленин писал что марксизм завоевал себе всемирно-историческое значение как идеология пролетариата, тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры.